

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ЛЕБЕДЕВ

преподаватель кафедры русского языка филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
perevodchik88@yandex.ru

ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ОТВЛЕЧЕННОЙ СВЯЗКОЙ В СТИХОТВОРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ П. А. ВЯЗЕМСКОГО*

Рассматриваются составные именные сказуемые, встречающиеся в творчестве П. А. Вяземского; определяются формальные показатели глагола-связки «быть»; анализируются контексты сослагательного, повелительного, изъявительного наклонений из творчества поэта. Всего проанализировано 286 стихотворений, в которых выявлено 408 примеров с отвлеченной связкой. В случае с изъявительным наклонением (контексты с этим наклонением в поэзии Вяземского превалируют) отдельно последовательно рассматриваются все три времени – настоящее, прошедшее, будущее. Особый акцент сделан на анализе материально выраженной связки «есть», которая часто встречается в текстах Вяземского, хотя уже в XIX веке считалась архаичной. Предложены выводы, касающиеся функционирования отвлеченных связок в пределах отдельных стихотворений: указания на важность глагола-связки с точки зрения анализа идиостиля писателя в целом, специфику функционирования категорий времени (акцент на событиях прошлого и настоящего, минимум будущего), на присутствие материально выраженной связки «есть» как отличительную особенность творчества автора.

Ключевые слова: русский язык, синтаксис, сказуемое, глагол-связка, грамматические закономерности

Составное именное сказуемое – одна из разновидностей сказуемого, характеризующаяся «раздельным выражением вещественного и грамматического значений» [2; 87]. Основной компонент в такой конструкции выражает вещественное значение, а грамматическое значение обеспечивается с помощью вспомогательного компонента – связки. И именно связка в качестве компонента-выразителя грамматического значения и ее роль в поэтическом творчестве привлекли наше внимание. Анализ составного именного сказуемого выполнен на примерах из стихотворного творчества Вяземского.

Понимание грамматической функции глагола-связки в рамках именного сказуемого может быть различным. Нами под отвлеченной связкой понимается глагол «быть», который не имеет собственное лексическое значение «существовать, иметься», а выражает исключительно грамматическое значение. Основными формальными показателями глагола-связки «быть» для нас выступали модальное значение (форма наклонения), временное значение (форма времени), зависимость между подлежащим и сказуемым (число и род для прошедшего времени; число и лицо для будущего времени). В ходе анализа в 286 стихотворениях было обнаружено 408 контекстов с отвлеченной связкой. Из них подавляющее большинство (379 примеров, 93 %) относится к изъявительному наклонению, а контексты с сослагательным и повелительным наклонениями составляют лишь 7 % от общего числа.

Сослагательное наклонение представлено семью контекстами, шесть из которых включают в себя сочетание «был бы»:

И презрен был бы мной бессильный неприятель [1; 93].

Лишь один пример содержит в себе «была бы». Это один из редких случаев, когда лирический герой стихотворения Вяземского представляет в образе женщины (явление для творчества поэта нехарактерное):

Быть может, я была бы рада
Вас к черту, ангел мой, прогнать [1; 393].

В случае с повелительным наклонением 21 контекст включает в себя форму связи «будь»:

И мысль о них во мгле мятежной
Звездой отрадной нашей будь! [1; 227].
В одном случае встречается связка «будьте»:
Но будьте искренны – нас искренность спасает [1; 274].

Выбор подобной формы связи здесь объясняется характером стихотворения – это своего рода завещание в стихах, которое Вяземский предлагал «на память обо мне, когда меня не будет». Соответственно, адресатами здесь выступают все читатели в целом, что и обуславливает множественное число формы связи.

В изъявительном наклонении отвлеченная связка представлена следующим образом: всего выявлено 379 контекстов; настоящее время обнаружено в 170 контекстах (44,9 % от общего числа), прошедшее время – в 153 случаях (40,3 %), будущее время – в 56 примерах (14,8 %).

Настоящее время. В русском литературном языке пушкинской эпохи материально выраженная связка в настоящем времени была «кон-

структурой, утратившей продуктивность и резко сокращавшей употребительность» [4; 23], в то время как лирика Вяземского не в полной мере соответствует данному языковому стремлению, указывая на любовь поэта к «архаизаторским» грамматическим закономерностям. В современном русском языке в настоящем времени глагол-связка «быть» опускается согласно уже давно существующей узульской традиции. Для поэзии Вяземского эта особенность характерна не в полной мере. Действительно, во многих формах именного сказуемого с отвлеченной связкой настоящего времени мы обнаруживаем контексты с тире на месте глагола-связки:

Ему природа – мать родная [1; 413], [6].

Однако встречаются и контексты с материально выраженной связкой «есть» (31 случай):

Порядок есть душа всего! [1; 107].

Как показывает анализ, нельзя однозначно отнести использование материально выраженной связки к тому или иному периоду творчества Вяземского. Можно сделать вывод о том, что Вяземский, понимая тенденции изменения языка, сознательно допускал архаизацию в рамках данной формы отвлеченной связки, особенно в тех случаях, когда это диктовалось нормами версификации – это подтверждает вывод Н. А. Николиной о том, что грамматические архаизмы «употребляются в поэтической речи неравномерно» [3; 74] и практически отсутствуют в текстах писателей XIX века. Отдельно следует отметить, что материально выраженная связка «суть», а также такие формы, как «есмь» и «еси», «бысть», «бых», в поэзии Вяземского отсутствуют, хотя, как отмечают исследователи, именно в поэзии «архаические явления сохраняются дольше», что позволяет иногда встретить «давно ушедшие из живого употребления и стилистически отмеченные формы БЫТЬ» [5; 72].

Прошедшее время. В поэзии Вяземского можно отметить преобладание формы «был» (118 контекстов из 153, относящихся к прошедшему времени), которая может характеризовать:

1) субъект лирического действия:

В литературе я был вольным казаком [1; 330];

2) адресата стихотворения:

От сиротствующих пирос

Ты был оторван смертью жадной! [1; 74];

3) некий третий сторонний субъект или объект:

Он равнодушен был к ее загадкам темным [1; 407].

Свет холодный, равнодушный

Был тобою пробужден [1; 391].

Стихотворные контексты со связками «была», «были», «было» встречаются реже (21, 7 и 7 раз соответственно):

О четырех колесах келья
Душепасительна была [1; 196].

Их днями ясными мои дни были ясны [1; 149].
Всё было приторно вблизи [1; 355].

Преобладание форм мужского рода можно объяснить кругом знакомств поэта, в котором преобладали мужчины, что и объясняет наличие формы «был». В лирических стихотворениях именные сказуемые с отвлеченной связкой не столь частотны.

Будущее время. Будущее время в конструкциях с именным сказуемым с отвлеченной связкой выражается преимущественно глаголами третьего лица (40 контекстов):

И будет вам луна сопутницей приятной! [1; 53].

Формы первого и второго лица встречаются реже (6 и 8 раз соответственно):

И, оживя в воображенье
Часов протекших наслажденье,
Обманом счастлив буду я! [1; 62].

В бессмыслице ж своей тогда уверен будешь [1; 124].

На уровне стихотворения делать однозначные выводы о роли и функционировании отвлеченной связки довольно затруднительно. В одном из стихотворений («Когда? Когда?») поэт сознательно опускает связки в именных сказуемых будущего времени, чтобы не перегружать контекст грамматической тавтологией:

Когда поэты будут скромны,
При счастье глупость не горда,
Красавицы не вероломны
И дружба в бедствиях тверда? [1; 80].

В то же самое время в некоторых случаях (в частности, при однородных сказуемых) поэт сознательно повторяет связку. Возможно, это также можно объяснить стремлением к достижению правильного построения стиха:

Казалось мне – я был здесь застрахован,
Был огражден привычкой суеверной
От треволнений жизни ненадежной
И от обид насмешливой судьбы [1; 338].

В ряде случаев перестановка слов в конструкции «подлежащее + именное сказуемое с отвлеченной связкой» затрудняет понимание, вынуждая читателя вновь перечитывать строки:

Рассеянность его была не беспредельной,
В ином был человек и он отменно дельный [1; 348].

В результате проделанной работы можно сделать выводы: 1) Глагол-связку в именных сказуемых можно рассматривать как один из компонентов идиостиля писателя, поскольку разные формы связочного элемента участвуют в формировании художественного хронотопа, а присутствие материально выраженной связки

настоящего времени стилистически значимо. 2) Взгляд Вяземского как поэта обращен и в прошлое, и в настоящее, и в будущее, однако исходя из анализа грамматического значения отвлеченных связок становится понятно, что автор сосредоточивает свое внимание в первую очередь на событиях прошлого и настоящего. 3) Исходя из анализа формы отвлеченных связок будущего времени, можно сказать, что лирический герой Вяземского, идейно близкий самому автору, «не видит» в будущем себя, – те немногие формы

составного именного сказуемого, которые присутствуют в его творчестве в будущем времени, преимущественно относятся к другим лицам, но не к самому «Я» поэта. 4) Материально выраженная связка «есть» в формах настоящего времени именного сказуемого – отголосок синтаксической структуры прошлых веков – продолжает встречаться в стихотворном творчестве Вяземского, поэта пушкинской поры, что является отличительной особенностью его поэтического синтаксиса.

* Исследование выполнено в рамках финансируемого Минобрнауки РФ проекта № 6.5608.2011 «Русская поэтическая грамматика» и при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вяземский П. А. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1986. 544 с.
2. Лекант П. А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке. М.: Высшая школа, 1976. 141 с.
3. Николина Н. А. Категория времени глагола // Поэтическая грамматика. Т. И. М., 2005. С. 73–188.
4. Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века: изменения в системе простого и осложненного предложения в русском литературном языке / Под ред. В. В. Виноградова, Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1964. 499 с.
5. Патроева Н. В. Зачины с эзистенциальным глаголом *есть* в русской поэзии XVIII–XX веков: опыт грамматического и функционально-семантического описания // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер.: Общественные и гуманитарные науки. 2012. № 7 (128). Т. 1. С. 68–72.
6. Патроева Н. В., Лебедев А. А. Поэтическая фразеология П. А. Вяземского: функционально-семантический потенциал трансформации устойчивых оборотов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер.: Общественные и гуманитарные науки. 2009. № 8 (102). С. 60–66.
7. Шедова Н. Ю. Еще раз о глаголе *быть* // Вопросы языкоznания. 2001. № 2. С. 3–13.

Lebedev A. A., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

SENTENCES WITH ABSTRACT COPULA IN POETIC WORKS OF P. A. VYAZEMSKY

Compound nominal predicates found in the works of Pyetr Andreevich Vyazemsky, the poet of the XIXth century, are analyzed. The formal markers of the link-verb “*byt’*” (to be) are determined in the research. The contexts of subjunctive, imperative, and indicative moods, which are found in the poet’s works, are examined thoroughly. 286 poems were analyzed, 408 patterns with the abstract copula were revealed. In cases of indicative mood employment (contexts with this mood prevail over other moods in Vyazemsky’s poetry) all tenses (present, past and future) are examined sequentially. Special attention was given to the analysis of materially represented link-verb “*est’*” (am/is/are), which is often found in Vyazemsky’s poetical texts, even though in the XIXth century this form was already considered archaic. Some deductions, concerning the functions of copulas within particular poems, are suggested. The deductions made in the process of the research are related to the importance of the link-verb assessed from the standpoint of the individual writer’s style analysis. The study helped to reveal functioning peculiarities of the category of tenses in Vyazemsky’s works (past and present are accentuated, future is rarely used) and to emphasize the use of materially accentuated link-verb “*est’* (am/is/are), which appears to be a distinctive feature of Vyazemsky’s works.

Key words: Russian language, syntax, predicate, link-verb, grammatical patterns

REFERENCES

1. Вяземский П. А. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Leningrad, Sovetskiy pisatel’ Publ., 1986. 544 p.
2. Лекант П. А. *Tipy i formy skazuemogo v sovremennom russkom yazyke* [Types and forms of the predicate in modern Russian language]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1976. 141 p.
3. Николина Н. А. The tense category of the verb [Kategorija vremeni glagola]. *Poeticheskaya grammatika*. Т. I. Moscow, 2005. P. 73–188.
4. *Ocherki po istoricheskoy grammatike russkogo literaturnogo yazyka XIX veka: izmeneniya v sisteme prostogo i oslozhnennogo predlozheniya v russkom literaturnom yazyke* [Essays on the historical grammar of Russian literary language of the XIXth century: the changes in the system of simple and compound sentences in Russian literary language]. Pod red. V. V. Vinogradova, N. Yu. Shvedovoy. Moscow, Nauka Publ., 1964. 499 p.
5. Патроева Н. В. Existential introductions into Russian poetry of XVII–XX centuries: experience of grammatical and functional-semantic description [Zachiny s ekzistentsial’nym glagolom *est’* v russkoy poezii XVIII–XX vekov: opyt grammaticheskogo i funktsional’no-semanticeskogo opisanija]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Obshchestvennye i gumanitarnye nauki*. 2012. № 7 (128). Vol. 1. P. 68–72.
6. Патроева Н. В., Лебедев А. А. Poetic phraseology in the P. A. Vyazemsky lyrics: functional-semantic potential of phraseological units [Poeticheskaya frazeologiya P. A. Vyazemskogo: funktsional’no-semanticeskij potentsial transformatsii ustoychiviykh oborotov]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Obshchestvennye i gumanitarnye nauki*. 2009. № 8 (102). P. 60–66.
7. Шедова Н. Ю. Once more about the verb *to be* [Eshche raz o glagole *byt’*]. *Voprosy yazykoznaniya*. 2001. № 2. P. 3–13.